

ПѢСНИ, ДУМЫ И ПРЕДАНІЯ,
поясняющія сказанія Лѣтописцевъ.

1.

Переписка Барабаша съ Ляхами.

Поляки — говорятъ Лѣтописцы —
искали разрушить самобытность войска
Запорожскаго, „поруйновать Козаковъ до
изводу“, и нашли себѣ въ этомъ дѣлѣ
помощника въ Барабашѣ, который — по
словамъ Вуйковича — за деньги радъ
былъ продать все, кромѣ своей алчно-
сти къ стяжанію, заставлявшей его не-
дорожить ни совѣстью, ни честью, ни
клятвой. За деньги Барабашъ продалъ
себя Ляхамъ, и хотя по требованію Ра-
ды послалъ къ Владиславу жалобу на
угнѣтенія, претерпѣваемыя народомъ въ

Украинѣ, и, пусть и поздно, показалъ Радѣ отвѣтъ Владислава: — „Почѣважъ вы войны есте и маєте у себе мушкеты и шабли, то что вамъ стать за себе и за свои вольности возбраняетъ, а я помогать вамъ не въ силахъ, будучи обурѣваемъ патриціанствомъ ихъ факціями“; — но то была только личина. Въ тайнѣ Барабашъ велъ съ Поляками переписку иного роду, и писалъ къ нимъ однажды:

— Придите, и мстите; а на меня будьте надежны. —

Эта переписка, будучи обнаружена, могла обнаружить и замыслъ Поляковъ поруководить Козаковъ до изводу; она была Хмельницкому лучшею помощью для возбужденія Козаковъ къ возстанію. Какъ Писарь Войсковой, Хмельницкій могъ если не знать эту переписку вполне, то угадывать ея содержаніе, и, воспользовавшись случаемъ, овладѣлъ ею.

— Для новорожденнаго младенца въ его фамиліи — говоритъ Конисскій — надо было имѣть при крещеніи воспріем-

ника. По сему упрощень Хмельницькимъ Барабашъ. И онъ со всеѣ свитою отпра-
вился изъ Чигрина въ Суботово; а тамъ,
по совершеніи пиршества, на коемъ у-
подчиванъ Барабашъ и штатъ его, Хмель-
ницкій, снявши съ соннаго его съ руки
перстень, съ перначемъ и шапкой съ ко-
кардой изображенными, достоинство Ба-
рабаша означающими, отправился съ ни-
ми ночью къ женѣ Барабаша, показалъ
ей знаки мужніе и требовалъ его име-
немъ нужныхъ писемъ изъ кабинета.
Жена отворила кабинетъ, и пр.

Иначе рассказываетъ объ этомъ Ду-
ма (Зап. Ст. II. 1. 9-11).

Д у м а.

— Прошелъ день години, какъ встала
тревога по Украинской землѣ. И никто
не хотеть выдти на защиту вѣры Хри-
стіанской; только и вышли Барабашъ да
Хмельницкій да Климъ Бѣлоцерковскій.
Они выступили къ Королю, и просили

универсаловъ. Король написалъ универсалы, и далъ Барабашу въ руки. А Барабашъ только ихъ взялъ, три года Козакамъ о нихъ знать не давалъ.

И задумалъ Хмельницкій просить его кумомъ въ городъ Чигринъ; попросилъ, славно угостилъ. И какъ сталъ Барабашъ пить да гулять, сталъ ему Хмельницкій такъ говорить:

— Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія письма скрывать. Дай ихъ мнѣ хоть почитать.

— Къ чему-бы тебѣ, Панъ кумъ, эти письма знать? Дачи мы не даемъ, въ Польское войско не йдемъ. Не лучше-ли мирно съ Ляхами намъ жить, чѣмъ лугами блудить, комарей своимъ тѣломъ кормить? —

Понялъ Хмельницкій, и сталъ Барабашу еще лучшихъ напитковъ подносить. Пилъ Барабашъ, и упился, и спать на постель завалился.

А Хмельницкій ключи у него отобралъ, Чуру въ Черкасы послалъ, велѣлъ

ключи Паньи Барабашевой подать, Королевскихъ писемъ просить.

Пріѣхалъ къ ней Чура, и такъ говоритъ: — Панья Барабашова! Сталь у насъ Панъ твой гулять, велѣлъ тебѣ письма Короля намъ отдать.

— Что за бѣда съ моимъ Паномъ случилась, что задумалъ съ Хмельницкимъ гулять? Иди, иди, бери письма Короля въ ларцѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ.

Скоро Чура письма досталъ, днемъ и ночью въ Чигринѣ постѣшалъ, скоро пріѣзжалъ, самому Хмельницкому письма отдалъ.

А Барабашъ рано проснулся, поглядѣлъ въ карманъ, — ключей нѣтъ какъ нѣтъ. Старосту Кричевскаго будить, на двухъ коняхъ съ двора ѣдетъ; думаетъ, гадаетъ, какъ-бы Хмельницкаго въ руки прибрать, Ляхамъ отдать. —

Сравнивая сказаніе Конисскаго съ этою Думой, находимъ вотъ что:

1. Вѣроятно, что Хмельницкій пировалъ въ Чигринѣ, какъ говоритъ Дума, а не въ Суботовѣ, которымъ, владѣлъ тогда Чаплицкій.

2. Ни изъ Лѣтописей, ни изъ преданій не видно, что-бы Козаки носили перстни, тѣмъ менѣе такіе, кои означаютъ достоинство; еще менѣе видно, что-бы перстень могъ быть такой важности, какую приписываетъ ему Конисскій. Гораздо вѣроятнѣе, что Хмельницкій укралъ у Барабаша ключи, какъ говоритъ Дума.

3. Былъ-ли у Барабаша кабинетъ? Что-то странно для 1640-выхъ годовъ. Но пусть и такъ: могъ-ли Барабашъ прятать такъ оплошно столь важныя бумаги? Хмельницкій рѣшившись однажды завладѣть бумагами, и зная что онѣ лежали въ кабинетѣ, какъ говоритъ Конисскій, могъ употребить для этого сотню другихъ средствъ легче, удобнѣе, безопаснѣе, вѣжливѣе. Барабашъ могъ опасаться, что эти бумаги будутъ украдены, и долженъ былъ спрятать ихъ по лучше: очень не-

мудрено, что ему взошло въ голову спря-
тать ихъ подъ воротами: подобнымъ об-
разомъ Запорожцы всегда скрывали дра-
гоцѣнности. См. Зап. Стар. I. 2. 82-83.

Климъ Бѣлоцерковскій, о которомъ
говорить Дума, есть вѣроятно, Полков-
никъ Гира. Староста Кричевскій — не
тотъ-ли самой, который былъ посылаемъ
Хмельницкимъ въ Литву и разбить Рад-
зивиломъ не за долго до Зборской годи-
ны? Шевалье говорить, что этотъ Кри-
чевскій освободилъ однажды Хмельника-
го изъ плѣна. Н. Г. С. 82. — Пасторій.
Bellum Scyth. Cos. 85. —

2.

Битва на Желтыхъ водахъ.

П ъ с н я.

— Или то хмѣль вокругъ тычинъ
вьется? Нѣтъ, то Хмельницкій съ Поляка-
ми бьется.

Ой, поѣхалъ Хмельницкій къ Желтому броду. Не одинъ Ляхъ тамъ прилегъ головою въ воду.

— Не опейся, Хмельницкій, этой Желтой воды: сорокъ тысячъ Ляховъ знатнаго рода идетъ на тебя.

— Не боюсь я Ляховъ, и думать забьлъ. На нихъ есть у меня большая отвага.

Еще-же и Орду за собой я веду; и все, враги Ляхи, на вашу бѣду. —

Убѣжали Ляхи, растеряли шубы. Не одинъ Ляхъ прилегъ, оскаливши зубы.

Становили Ляхи дубовыя хаты. Придется бѣдняжкамъ въ Польшу бѣжать.

И бѣжали изъ нихъ кой-какіе полки. Ёли Ляховъ и псы и сѣрые волки.

Ой, тамъ поле, поле, а по полю цѣты: не за однимъ Полякомъ зарыдали дѣти.

Ой тамъ рѣчка, рѣчка, черезъ рѣчку плотина. Не одинъ Ляхъ покинулъ по себѣ вдовицу. —

— Зап. Ст. П. 1. 12-14. —

Едва ли эта пѣсня современна событію.

3.

Пилявское дѣло.

П л с н и.

I.

— Ой, изъ города, изъ Пилявы Козаки выѣзжали; всѣхъ было три табора, всѣ одинъ въ одного.

Что въ первомъ таборѣ, то все реестровые, а въ другомъ таборѣ одни Хорунжіи, а въ третьемъ таборѣ одни Куряные.

Идетъ первый таборъ къ Пилявѣ; съ нимъ идетъ Морозенко. Съ другимъ таборомъ идетъ пышный Панъ Харченко. Третій таборъ ведетъ Вовгуля Лисенко.

Третій таборъ ведетъ Вовгуля Лисенко; коня поварачиваетъ, забавляетъ себя; коня поварачиваетъ, молвить такіа слова:

— Ой, Пааны молодцы! будетъ намъ работа: въ городѣ Пилявѣ много охотныхъ ватаѣ. —

Вотъ идутъ они день, ночь; въ девѣ Воскресный станомъ стали, по Яцкому рогу станомъ стали, гонца поджидали.

Въ ночь гонецъ прѣзжасть, Лисенка спрашиваетъ, и кланяется ему, и молвить такія слова:

— Пань Гетманъ Хмельницкій посылаетъ тебѣ доброе здоровье. Подъ Пилявой съ Морозенкомъ онъ ужъ станомъ сталъ.

И тебя съ Кравчиною просить къ Пилявѣ. — Тогда-то Вовгура Лисенко кожухъ надѣваетъ, изъ станка выходитъ, Козаковъ созываетъ:

— Ой, Пааны молодцы! Чините мою волю: рубите мнѣ дорожку къ Пилявскому полю.

Рубите мнѣ дорожку къ Пилявскому полю: тамъ ожидаетъ насъ Гетманъ Богданъ! —

И тѣ Козаки дорожку рубили, къ городу Пилявѣ станомъ выходили.

Что отъ Роски да отъ Соби Гайчуревскіи грайцы, а отъ вольнаго Тешлика вольные Коротайцы.

А отъ Лысой горы Степняки Гайчурь; а отъ рѣчки отъ Самари Самарскіе лугари.

И всѣ тѣ молодцы по той сторонѣ Буга. . .

II.

Ой, Семуха Бродникъ входитъ въ Немировъ, и въ Немировъ собираетъ своихъ молодцовъ.

И Немировскіе молодцы въ трубы трубятъ, на коняхъ вороныхъ съ крикомъ бѣгутъ.

Въ ночь пріѣзжаетъ гонецъ, молвить такія слова: — ой, вы молодцы Немировцы. Ляхи ужъ на этой сторонѣ.

На этой сторонѣ Случи, на этой сторонѣ Случи, подступаютъ къ Пилявѣ, зовутъ Козаковъ.

На этой сторонѣ Случи, на этой сторонѣ Случи, подступаютъ къ Пилявѣ, зовутъ Немировцевъ.

Немировцы молодцы! Идите, спѣшите, Гетмана Хмельницкаго повеселите.

И тогда тѣ молодцы къ Случи спѣшили, къ городу Пилявѣ скоро приходили. —

— Зап. Ст. II. 1. 20-25.

Цѣлыя-ли это пѣсни, или отрывки, какъ-бы то ни было, важность ихъ неоспорима: во всякомъ случаѣ это отрывки изъ Лѣтописи народной памяти.

Разсматривая ихъ въ семъ отношеніи, должно обратить вниманіе на время, лица и событія о которыхъ идетъ въ нихъ рѣчь.

А. Время.

Оно очевидно. То 1648 годъ, та страшная година для Поляковъ, когда они, гонимые Козаками изъ Украины, принуждены были бѣжать за Вислу; та страшная година для Украинцевъ, когда

Вишневы, сподвижники Князя Іереміи Вишнѣвца, бились съ ватагами Хмельницкаго, когда наконецъ Хмельницкій, не принявъ въ условій мира, предложенныхъ Адамомъ Киселемъ, выступилъ къ Пиллявѣ, гдѣ ожидали его Ляхи съ Княземъ Владиславомъ Острожскимъ.

Б. Лица.

За исключеніемъ Хмельницкаго: Морозенко, Харченко, Вовгура Лисенко и Семуха Бродникъ.

1. *Морозенко.* Вотъ лице чрезвычайно любопытное, столько же по недо-молвкамъ о немъ нашихъ Лѣтописцевъ, сколько и по любви къ нему народной, — лице вполне народное. Современникъ Хмельницкаго и Пущкаря, современникъ сотни другихъ славныхъ героевъ Козацкихъ, онъ затмилъ собою въ памяти народной всѣхъ ихъ; и въ наше время, когда народъ забываетъ самаго Хмельницкаго, употребляетъ имя Мазепы какъ имя нарицательное, смѣшиваетъ Палія

со Старостою Каневскимъ, Морозенко остается на своемъ мѣстѣ, самимъ собою и Рыцаремъ Запорожскимъ, и сказочнымъ чудакомъ.

Здѣсь я расскажу о немъ только то, что относится ко времени Хмельницкаго. Источники моего рассказа, кромѣ Лѣтописей, пѣсни, сказки и статья О. С. Евецкаго.

Молодость Морозенка, какъ молодость всѣхъ рыцарей Козацкихъ неизвѣстна. Изъ его прозванія можно заключить только то, что онъ былъ сынъ какого-то Мороза.

Первые подвиги его были битвы съ Татарами. Вотъ что говорятъ объ этомъ

П ѣ с н и.

I.

— Изъ за горы, изъ за кручи возы ѣдутъ, скрипятъ. Передъ ними Морозенко трубку курить, идетъ.

— Перестань-же, Морозенко, свою трубку курить. Иди съ нами, Козаками, горѣлочку пить.

— „Нѣтъ милые братья, вино мнѣ не пьется: надъ моею Украиной пребоольшая орда вьется“. —

Изъ этой пѣсни видимъ, что Морозенко былъ Атаманъ Коша: онъ имѣлъ свою Украину.

II.

— Вокругъ города Бендеръ накопаны шанцы. И поймали Морозенка не вечеромъ, утромъ.

Взяли его Морозенка подъ гордые боки; посадили Морозенка въ темницѣ глубокой.

Посадили Морозенка на столѣ тѣсовомъ; отобрали у него изъ за пояса червонцы.

— Ой, Морозъ, Морозенко, славный Козакъ! По тебѣ, по Морозенкѣ плачетъ вся Украина.

Не такъ та Украина, какъ славное войско! — Заплакала Морозиха (мать его) идучи на рынокъ.

И встрѣтила Морозиха трехъ Козаковъ изъ полку: — Старая, ты глупая!

Не плачь, не плачь, Морозиха! Еще твой сынъ не грустилъ. Иди съ нами Козаками, выпей меду, вина.

— Ой, что-то не пьется мнѣ, парни, медъ, вино. Гдѣ-то сынъ мой, Морозенко, мучится въ неволѣ.

— Такъ продавай, матушка, коровъ да воловъ; выкупай своего сына изъ тяжкихъ оковъ!

— Такъ продавай, матушка, быковъ да телицъ; выкупай своего сына изъ сырой темницы. —

Продавала Морозиха коровъ и воловъ; выкупала Морозенка изъ тяжкихъ оковъ.

Продавала Морозиха быковъ и телицъ; выкупала Морозенка изъ сырой темницы. — Зап. Стар. II. 1. 14-18.

И когда воротился Морозенко въ свою Украину — говорить преданіе — онъ пошелъ по всѣмъ куренямъ своимъ, ко всѣмъ ватагамъ, сталъ Панамъ молодцамъ молвить такія рѣчи: — Вы-де, молодцы, медъ пиво пьете, а братьевъ своихъ въ неволѣ забыли. Тамъ въ Бендерахъ въ глубокихъ ямахъ, безъ свѣта и воды, безъ хлѣба и вина мучатся они, залитые въ оковы. Лучше прежде въ Бендеры пойдемъ, городъ Бендеры огнемъ займемъ, братьевъ домой приведемъ, и тогда уже дружнымъ кружкомъ медъ, вино разопьемъ. — Спыхватились Паны молодцы, коней сѣдлали, къ городу Бендерамъ путь держали. Со всѣхъ сторонъ, съ Днѣпра, со степей, городъ Бендеры зажгли, въ городъ вошли, стали Агаряевъ бить и рубить, стали ихъ допрашивать: гдѣ ихъ товарищи въ неволѣ мучатся? Подвели ихъ къ самому берегу Днѣстра, отвалили колоду, ввели въ яму, — въ ямѣ Козаки кружкомъ сидятъ, спятъ — не спятъ, глядятъ — не глядятъ, и на

голосъ дружняго привѣта нѣтъ отвѣта. Вышли Паны молодцы, и только вышли, стали Турокъ бить и рубить, старыхъ малыхъ губить, за братьевъ мстить. —

Когда это было? мы напрасно будемъ допрашивать память народную. —

Далѣе, когда въ 1648 году Вишневецкій казнями Православныхъ возбудилъ злобу Козаковъ, когда толпы ихъ разсѣялись отъ Днѣпра до Вислы, сражая повсюду Поляковъ, Уніатовъ и Жидовъ, Морозенко вмѣстѣ съ Остапомъ Павлюкомъ бродилъ по Подолію, и для забавы рѣзалъ уши Жидамъ и Уніатамъ. — Обѣщай мнѣ по золотому за тридцать ушей, — говорилъ онъ Хмельницкому; — и, получивъ обѣщаніе, чрезъ мѣсяцъ получилъ отъ него болѣе 1000 злотыхъ. Павлюкъ не довольствовался ушами, — онъ наряжалъ шеи Жидовокъ и Полячекъ „червонными стричками“ т. е. срѣзывалъ у нихъ на шеѣ кожу: и Княгиня Четвертинская была его жертвой.

III.

Ляхи говорятъ, Турки говорятъ: Украина плачетъ; а Украина не плачетъ, съ Морозенкомъ скачетъ.

Скачетъ Украина, веселится Рада. Морозенко сразилъ Ляховъ и Турокъ: то ихъ услада.

Какъ-же прїѣхалъ Морозенко въ свою Украину: — будутъ знать (молвить онъ) и малыя дѣти, какъ ее покину.

Будутъ знать и малыя дѣти, будутъ и дѣвицы, — ой, дѣвицы бѣдняжечки, какова за нихъ месть.

Такова за нихъ месть, каково мое войско. Узнали и Турки и Ляхи, какъ бѣжать въ тихомолку.

Скрыпка со свадьбы, а струны изъ руты: какъ заиграетъ Морозенко, слышно на весь свѣтъ.

Какъ заиграетъ Морозенко, запѣютъ Ляхи: они знаютъ Морозенка и по Жванцу. —

Эта пѣсня намѣкаетъ, что при взятіи Морозенкомъ Бендеръ, тамъ были и Поляки! — Зап. Стар. II. 1. 18-20.

Послѣдній куплетъ напоминаетъ о сраженіи Жванецкомъ, 1653.

Въ другой пѣснѣ воспѣвается походъ Морозенка подъ Сороку: этой пѣсни я не могъ достать.

II. *Харченко* — въ первый разъ встрѣчается около Кіева съ своей дружиной бьющаго Вишневецъ. Пѣсня называетъ его Гайчурой и пышнымъ Паномъ, и заставляетъ его вести таборъ Хорунжихъ. Лице, можетъ быть, замѣчательное, но мало извѣстное, — вѣроятно Атаманъ гайдомакъ.

III. *Вовгура Лисенко* — памятенъ и до селѣ народу своимъ варварствомъ. Преданіе говорить, что вся Польша страшилась его списа и ножа, и сколько Польша столько же и Украина. Изъ пѣсни видно, что его силы были велики: Козаки съ р. Роси и Соби, Козаки Съчи Тешлицкой, Козаки съ Лысой горы,

Козаки съ р. Самари, — всѣ они принадлежали къ его дружинамъ. Лисенко имѣлъ свой станокъ, слѣдовательно былъ Кошевымъ Атаманомъ, — и вѣроятно въ Съчи Тешлицкой.

IV. *Сѣмуха Бродникъ*. Лѣтописи о немъ молчатъ. Изъ пѣсни видно, что онъ взялъ Немировъ, принадлежавшій Вишневецкому.

В. Событія.

Повторимъ вкратцѣ, что уже сказано въ Лѣтописи соображаясь со сказаніями пѣсень.

Войско Польское выступило къ Пилявѣ, — и Хмельницкій, пославъ просить помощи у Хана, двинулъ свои рати туда-же. Съ нимъ былъ Морозенко и Харченко. Неподалеку отъ Пилявы Козаки соединились съ Татарами. Хмельницкій, узнавъ огромность войска Польскаго, и боясь проиграть сраженіе, послалъ гонца къ Кошевому Атаману Ли-

сенку и къ Сѣмухѣ Броднику, чтобы они спѣшили съ своими вольными ратниками къ нему на помощь. Лисенко и Сѣмуха быстро соединили свои дружины съ дружинами Хмельницкаго, — и Поляки принуждены были отступить.

4.

Битва Слуцкая.

Поляки отступили отъ Пилявы за Слуць къ Константинову. Одинъ Вишневецкій помедлил отступленіемъ, между тѣмъ какъ его дружины руйновали Украину на Горыни, и часть ихъ уже спѣшила къ нему на помощь. Вишневецкій сразился съ Максимомъ Кривоносомъ, убилъ его, но былъ разбитъ Морозенкомъ, и бѣжалъ. Въ этой битвѣ палъ храбрый но осторожный рыцарь Козацкій Иванъ Бѣда. Вотъ что говоритъ объ этомъ

П ъ с н я.

— Долго-ль вамъ, Паны, подъ Пилявою стоять? Не пора-ль вамъ, молодцы, двинуть свой таборъ?

Пора тебѣ, Морозенко, свой таборъ двинуть; пора, пора къ Горыни къ Вишневецамъ спѣшить.

Тѣ Вишневцы славные молодцы славно грабятъ Украйну, добрымъ часомъ, счастливымъ часомъ разоряютъ Православную вѣру.

— Не спѣшите, молвить Бѣда. — Еще будетъ время погибнуть; будетъ время потѣшить Ляховъ, сложить головы въ полѣ.

— Не спѣшите, — молвить Бѣда. — Вишневцы вздумали идти на насъ. — Бѣжить гонецъ: — ой, молодцы! Вишневцы уже на этомъ берегу.

На этомъ берегу станомъ стали, зовутъ Козаковъ. Рано дошелъ до Случи Максимъ Рокитнянскій.

Тогда Ляхи какъ стояли такъ и пропали; только одни Козаки въ трубы трубили.

Въ трубы трубили, оплакивали Пана Бѣду, оплакивали Пана Бѣду, погребали его. — Зап. Ст. II, 1. 26-27.

Максимъ Рокитнянскій — вѣроятно Кривонось. Если такъ, то онъ на Случи прежде разбилъ Ляховъ, и потомъ самъ былъ разбитъ.

О Иванѣ Бѣдѣ Лѣтописи молчатъ.

5.

Походъ въ Молдавію.

Дума.

— Съ низовій Днѣпра тихій вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, войско Козацкое въ походъ выступаетъ, на коняхъ гарцуетъ, хоругви развѣваетъ. Только Богъ одинъ, только Богъ Святой знаетъ, что дума-

еть, гадаеть, что Хмельницкому на помощь помогаетъ.

То время было время чести, славы, Войсковой sprawy: Козаки тогда на смѣхъ себя не давали, враговъ ногами попирали.

Только Богъ Святой знаетъ, что Хмельницкій думаетъ, гадаеть. Не знали того ни Сотники, ни Полковники, ни Атаманы Куренные; только Богъ одинъ, только Богъ Святой зналъ, что думалъ гадалъ, что Хмельницкому на помощь помогалъ.

То наши Козаки къ Днѣпру доходили, черезъ три рѣки переходили. Самъ Хмельницкій рушилъ прежде всѣхъ, въ Хотинѣ присталъ, у старшаго Полковника на квартирѣ сталъ, къ Молдавскому Воеводѣ письма писалъ, молвилъ такъ ему:

— Какъ будешь со мною, Панъ Ясневельможный, дѣло вести, что будешь гадать? Или соединишь свое войско съ моимъ, въ одинъ станъ станешь? Или будешь со мною биться? Или будешь по

уставу мириться? Или головы свои на позорь отдашь? Или пригласишь насъ на пирь-перемирье, половину Молдавіи въ подарокъ намъ дашь?

И Воевода Молдавскій это прочиталъ, думалъ, гадалъ; къ Гетману Потоцкому письма посылалъ, молвилъ такія слова: —

— Гетманъ Потоцкій! Разумъ твой — разумъ жены. Чѣмъ гоняться тебѣ за пышными пирами, лучше было-бы Гетмана Хмельницкаго съ собой и со мною мирить! Началъ онъ Молдавскую землю Молдавскою кровью поливать. —

И Ляхи изъ Сочавы бѣжали, думали гадали, Василю Молдавскому вѣсть подавали. Тогда Василій Молдавскій въ Яссы прїѣзжаетъ, молвить такія слова:

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы! Были когда-то вы очень ясны! Были когда-то вы очень красны! И не будете таковы, какъ придутъ Козаки! —

А Хмельницкій это разузналъ, въ Яссы прїѣхалъ, молвилъ такія слова:

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы? Были когда-то вы очень ясны! Были когда-то вы очень красны! Да теперь не таковы, какъ узнали Козаки! —

Такое-то Панъ Хмельницкій дѣло надѣлалъ: Польшу возмутилъ, Молдавецъ побѣдилъ, Гетманщину повеселилъ. —

Изъ этой думы узнаемъ:

1. Что Хмельницкій участвовалъ въ этомъ походѣ Молдавскомъ, что отрицаютъ Лѣтописи.

2. Что онъ прибылъ въ Хотинъ, когда онъ былъ уже занятъ Козаками, и сталъ у старшаго Полковника. Легко можетъ быть, что Козаки пошли въ Молдавію двумя дружинами: первая съ Носачемъ, Дорошенкомъ и Пушкаремъ, вторая съ Хмельницкимъ. Походъ этой второй дружины описываетъ Дума.

Пѣсня на взятіе Яссы поется отдельно.

П л с н л.

— Ой вы, Яссы, Яссы, Яссы! Были когда-то вы очень ясны; да теперь не таковы, какъ набѣжали Козаки.

Набѣжали Козаки; набѣжали Ляхи, убѣжали изъ Сотчавы четырьмя путями.

Набѣжали Козаки; набѣжали Волохи, убѣжали изъ Сотчавы на четыре года. —

— Зап. Ст. II. 1. 28-32.

На четыре года, т. е. до того времени, какъ по смерти Тимофея Хмельниченка, этотъ городъ вновь достался Молдавцамъ.

Возвращаясь изъ Молдавіи домой, Козаки ограбили Бендеры. Вотъ что говорить объ этомъ:

П л с н л.

— Ой, въ городѣ, въ городѣ Бендерахъ бьетъ ключемъ вода, бьетъ ключемъ вода съ кручи. Собирались всѣ Запорожцы, звали бусурмановъ:

— Ой, вы злые бусурманы! Не пригодно вамъ противъ Козаковъ стоять; а пригодно вамъ, бусурманы, Польшу покорять!

— Ой, вы злые бусурманы! Не пригодно вамъ съ Ляхами въ мирѣ быть, а пригодно вамъ, бусурманы, помянуть свою долю.

— Ой, вы злые бусурманы! Не пригодно вамъ съ Молдавцами мириться, а пригодно вамъ съ Казаками биться! —

Тогда-то на четыре поля Турки выходили, изъ ружей и пушекъ стрѣляли. Тогда-то Козаки молодцы на смерть Турокъ рубили.

И порубивши, взяли Бендеры, просили Гетмана Хмельницкаго: — Гетманъ Хмельницкій! Порадуй насъ! — такъ ему говорили они.

Тогда-то надъ Бендерами налетали орлы, сизые орлы, указывали Козакамъ добычу, указывали Козакамъ славу.

Тогда-то Ляхи изъ Бендеръ бѣжали, Турокъ и Молдаванъ однихъ оставляли,

указывали Козакамъ добычу, указывали Козакамъ славу.

Тогда-то Козаки Бендеры раззорили, набрали славы, — и съ Гетманомъ Хмельницкимъ возвратились домой! —

— Зап. Зтар. II. 1. 33—35.

Изъ этой пѣсни видимъ:

1. Что Бендерскіе Турки и Татары, Бендерщина или Бендерская орда — какъ называютъ Лѣтописцы — были защитниками Василя Лупулы.

2. Что Козаки ограбили Бендеры въ отмщеніе за это.

3. Что Хмельницкій былъ и при взятіи Бендеръ.

4. Что Хмельницкій не всегда позволялъ Козакамъ грабить города, иначе бы и въ этомъ случаѣ Козаки не просили его порадовать ихъ.

Обо всемъ этомъ Лѣтописи молчатъ.

*Битва Жванецкая.**Пѣсни:*

I.

Ой, изъ города Немирова выходила
гроза. Кравчина Запорожская къ Хотину
спѣшила.

А въ Хотинѣ добрые люди знали себя,
стали за одно съ Польскимъ Паномъ Иоан-
номъ.

И не только стали за одно съ По-
ляками; стали съ ними за одно противъ
Хмельницкаго.

Стали съ ними за одно, стали съ
ними за одно; просили подъ Жванецъ
Пана Болощина.

II.

— Будешь, будешь, Панъ Гетманъ,
насъ почитать. Будешь землю Молдав-
скую добромъ вспоминать.

Будешь, будешь, Пань Гетманъ
знать, какъ землю Молдавскую покорять.

Будешь, будешь, Пань Гетманъ,
знать во что считать, какъ Студенку
брать, сына защищать.

Будешь, будешь, Пань Гетманъ, о
томъ Бога молить, какъ подъ Студенцами
становиться станомъ!

Выходи, выходи, Пань Гетманъ, на
Жванское поле: твоя-ль будетъ Украина,
наше-ль будетъ Подолье?

Выходи, выходи, Пань Гетманъ, къ
Жванскому лѣсу: твоя-ль будетъ Украин-
на, наша-ль будетъ Святая?

Выходи, выходи, Пань Гетманъ, къ
Жванскому лугу: твоя-ль будетъ Украин-
на, наша-ль будетъ Яруга?

Посвисни, посвисни, Пань Гетманъ,
какъ свистить вѣтеръ: твоя-ль будетъ
Украина, нашъ-ли будетъ Хотинъ? —

Вышелъ Пань Хмельницкій съ крав-
чиной подъ Жванцы: — прощайся-жъ,
Ляхъ, съ Молдавской землею!

Вышелъ Панъ Хмельницкій поде
Жванцы съ Ханомъ: — гадай-же, Ляхъ,
кто изъ насъ будетъ Паномъ?

Вышелъ Панъ Хмельницкій по Жван-
скому полю: спекли Ляхи каравай сво-
ему Подолью.

Вошелъ Панъ Хмельницкій до Свя-
того лѣса: — другъ мой, Нечай, позови-ка
Пана Яна. —

Позвалъ Нечай Ляховъ, будто вѣтеръ.
За Днѣстромъ, за горою блеститъ Хотинъ.

Тогда Ляхи узнали, гдѣ имъ станомъ
етать, какъ мириться съ Гетманомъ Хмель-
ницкимъ.

— Зап. Стар. II. 1. 35-40. —

Отрывки эти довольно непонятны.
Они ведутъ ко многимъ заключеніямъ,
но едва-ли всегда справедливымъ. Огра-
ничусь важнѣйшимъ.

1. На сраженіи Жванецкомъ Исламъ
былъ съ Бѣлогородскими и Нагайскими
ордами. Часть ихъ, Хотинская, вѣроятно,
измѣнила Хмельницкому, передалась на
сторону Поляковъ: такъ я понимаю пер-

зую пѣсню. Но кто такой Болошинъ? —
Въ добрый часъ рѣшать другіе.

2. Съ Королемъ Польскимъ подъ
Жванцемъ были Молдавцы. Ихъ-то Бац-
дуристъ заставляетъ говорить Хмельниц-
кому рацею угрозы. Изъ нее узнаемъ,
1) что Хмельницкій имѣлъ намѣреніе заво-
евать Молдавію (ср. И. М. Р. 1. 334.)
отмщая за смерть сына Тимоѳея; 2) что
до сраженія Жванецкаго занялъ Подолье,
Студеницу, Сороку (Святую, какъ назы-
вали Запорожцы), Яругу, и намѣренъ былъ
отъ Жванца идти къ Хотину, братъ его.

3. Хмельницкій разбилъ Ляховъ, и
Молдаване бѣжали въ Хотинъ: вотъ вѣ-
роятно къ чему относится выраженіе
пѣсни, что за Днѣстромъ, за горою бле-
ститъ Хотинъ. Сравни статью Пр. Шар-
муа въ Жур. Мин. Народ. Просв. 1834.
IV. 1—23.

Смерть Хмельницкаго.

Объ этомъ есть двѣ думы, два важные документа, выражающіе въ рѣзкихъ чертахъ характеръ Хмельницкаго по понятію народному. Первая изъ думъ поется за Днѣпромъ, вторая по сую сторону Днѣпра: это обстоятельство дѣлаетъ ихъ еще болѣе занимательными.

Д у м ы.

1.

Ой, пошла тяжелая горе-бѣда по всей Украинѣ, какъ смутно сталося въ городѣ Чигринѣ, что Пань Гетманъ Богданъ Хмельницкій тяжело занемогъ. Собиралъ онъ къ себѣ всѣхъ старшинъ, Сотниковъ и Полковниковъ, и на Радѣ прощался со всѣми, Бога благодарилъ что оставляетъ Украину въ мирѣ, при-

ближаясь къ смерти; и такъ молвилъ:
— Ой вы, Паны молодцы! храбрые
Сотники и Полковники! Всѣ вы старши-
ны Козацкіе молодецкіе! Нужно Вамъ
Радѹ озвать, себѣ Гетмана избрать. Я
уже крѣпко боленъ, къ смерти прибли-
жаюсь, долженъ милосердному Богу от-
дать свою грѣшную душу. —

Тогда Войсковые Козацкіе старши-
ны, услышавши эти слова, приступили къ
Богдану, горько горевали, такъ говорили:

— Уже-ли хочешь, Богданъ, насъ по-
кинуть? Уже-ль хочешь оставить сиротою
Украйну, отдать ее на позоръ врагамъ
Ляхамъ? Уже-ли напрасна безсчастная
Украина Бога молила, что-бъ Его могу-
щая воля отъ ига Ляшскаго освободила
ее, не давала ее на позоръ и поруганье
невѣрныхъ, надѣлила ее долей? Уже-ль
напрасно она Бога молила?

Услышалъ Богданъ эти слова, всей
старщинѣ Козацкой такъ говорилъ:

— И Богу вѣдомо, и люди знаютъ,
какъ правилъ я Украйной, какъ освобож-

далъ, отъ ига Ляпскаго. Только Бога молилъ, что-бъ помогъ Онъ мнѣ. Теперь, Паны молодцы, я оставляю вамъ сына на вашу Раду, но не озываю Рады, не хочу своего голоса положить за него. Моего Юрія, пусть онъ и родной мой сынъ, не совѣтую избирать въ Гетманы: онъ и разумомъ слабъ, и здоровьемъ хилъ. Межъ вами есть много Сотниковъ и Полковниковъ, храбрыхъ товарищей. Изберите межъ собою Гетмана, и по его суду и судите и рядите. Только прошу васъ, Паны молодцы, не возмущайте міра въ Украинѣ, управляйтесь разумомъ, стойте всѣ за одно. Тѣмъ и стала страшна сила Козаковъ, что у всѣхъ у васъ, Паны молодцы, была одна и дума и воля. А тебѣ, храбрый Пушкарь, Полковникъ, завѣщаю: кого-бъ Паны молодцы ни избрали себѣ Гетманомъ, всякому говори свою думу, храни міръ въ Украинѣ, чти славу Козацкую! —

И досказавши, эти рѣчи, Богданъ Хмельницкій молился Богу, кланялся Коза-

камъ Панамъ молодцамъ, — и успокоился на вѣки.

Ему-же Богдану и слава на вѣки межъ Козаковъ простыхъ и старшинъ, и межъ Царей и селянъ, и межъ Князей. Аминь.

II.

Взгоревала сѣдая голова Хмельницкаго, что при немъ нѣтъ ни Сотниковъ ни Полковниковъ: пришолъ часъ умирать, нѣкому утѣшить его. И кликнулъ онъ Ивана Выговскаго, Писаря Войсковаго.

— Иванъ Выговскій, Войсковой писарь! скорѣ бѣжи, письма пиши, что-бъ Сотники и Полковники пришли ко мнѣ, утѣшить меня хоть не много.

То Иванъ Выговскій Войсковой Писарь письма писалъ, ко всѣмъ посылалъ.

И Сотники и Полковники ихъ читали, все кидали, скоро-скоро къ Хмельницкому пріѣзжали. Ласково принялъ ихъ Гетманъ, такъ имъ говорилъ:

— Паны молодцы! Думайте, гадайте, Гетмана избирайте; а я старъ, боленъ, не могу быть болѣе Гетманомъ! Хотите, изберите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго, или Григорія Костыря Миргородскаго, или Филона Чичая Кропивянскаго, или Мартына Пушкаря Полтавскаго. —

Услышали это Козаки, и горевали, и тяжко вздыхали, молвили такіа слова: — Не нужно намъ ни Антона Волочая Кіевскаго, ни Григорія Костыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Кропивянскаго, ни Мартына Пушкаря Полтавскаго. Хотимъ сына твоего, юнаго Юрія, рейстроваго Козака.

— Унего, Паны молодцы, разумъ молодъ; онъ не знаетъ обычаевъ Козацкихъ.

— Будемъ при немъ старыхъ людей держать; будутъ они его учить; будемъ его чтить, вспоминая тебя Гетмана, отца, нашего! — Услышавъ это Хмельницкій, и обрадовался, кланялся своею сѣдою головой, слезы лилъ. Скоро послѣ еще больше заболѣлъ Хмельницкій; прощал-

он со всѣми, и отдалъ свою душу милосердому Богу.

Не черная гроза заволакивала ясное солнце; не буйные вѣтры бушевали въ темномъ лугѣ. — Козаки Хмельницкаго погребали, по своему отцу рыдали. —

Здѣсь замѣтимъ:

1. Что послѣдняя Рада Хмельницкаго были 6 Августа, а умеръ онъ 15 Августа.

2. Что лѣтописи, приводя рѣчь Богдана, расписываютъ ее всякая по своему, и всѣ сходны съ думами во всемъ даже въ мелочахъ.

3. Что Антонъ Волочай, Григорій Костырь, Филонъ Чичай и Мартынъ Пушкаръ, о которыхъ говоритъ вторая дума, были Полковники. Изъ нихъ Антонъ Волочай — Адамовичъ; Костырь — Десницкій; Чичай — Джеджелей.

Пугачь.

Нынѣ народъ поминаетъ славу Хмельницкаго такою пѣснею:

П ѣ с н я.

Сталъ Филинъ на могилѣ, и крикнулъ: пугу! Не дасть-ли Богъ Козакамъ хоть теперь отваги.

День и ночь ждемъ, нѣтъ поживы. Давно была! Уже не дождемся Хмельницкаго.

Ой, когда-то мы воевали, и больше не будемъ. Былаго счастья, бывшей доли по вѣкъ не забудемъ.

Заржавѣли сабли наши, нѣтъ курковъ у ружей. Только сердце Козацкое не боится Турокъ.

— Зап. Ст. II. 1. 46-47. —

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе

ЛѢТОПИСЬ :

— 1640-1654	1
— 1654-1657	93

ПРИПИСКИ КЪ ЛѢТОПИСИ:

1. О состояніи народа до 1648	106
2. Кравчина Запорожская	113
3. Раданъ, Харкѣвичъ и Вронскій	118
4. Статьи мира	120
5. Переговоры съ Султаномъ 1649	121
6. Козаки въ Литвѣ. 1649	125
7. Граница Украины по Зборовско- му миру	127
8. Списокъ реестровыхъ Козаковъ, 1650	128
9. Переяславскій бунтъ. 1651	129
10. Слободскіе Полки	131
11. Мятежъ Тухи, 1654	135

12. Договорныя статьи съ Царемъ; 1654	136
--	-----

ПѢСНИ, ДУМЫ И ПРЕДАНІЯ,
поясняющія сказанія Лето-
писцевъ :

1. Переписка Барабаша съ Ляхами	144
2. Битва на Желтыхъ водахъ	150
3. Пилявское дѣло	152
4. Битва Слуцкая	165
5. Походъ въ Молдавію	167
6. Битва Жванецкая	174
7. Смерть Хмельницкаго	178
8. Пугачъ	184

